УДК: 339.923 DOI: 10.22394/2071–2367–2018–13–6–128–139

ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗ И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ: СОДЕРЖАНИЕ КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЫ

Никитенко А. И.[1]

Целью исследования является комплексный анализ интеграционных стратегий России и Европейского союза на пространстве СНГ, выявление политико-экономических и геополитических противоречий между ними и разработка научных рекомендаций для корректировки внешнеполитического курса Российской Федерации в постсоветском регионе. *Предмет исследования* – содержание конкурентной борьбы интеграционных проектов Европейского союза и Евразийского экономического союза на постсоветском пространстве. Автор *использует метод* структурного анализа для выделения ключевых аспектов и уровней феномена конкурентной борьбы проектов интеграции России и Европейского союза на постсоветском пространстве, а также компаративный метод для обработки массива используемых в научной литературе методологических приёмов исследования интеграционной политики современных государств и их объединений.Автор анализирует предпосылки и причины экспансии панъевропейских институтов в ближнем зарубежье России, которые связываются с окончанием «холодной войны» и включением стран Восточной Европы в сферу влияния Европейского союза. Делается вывод, что успех интеграционного проекта Евразийского экономического союза будет зависеть от способности России последовательно и эффективно реализовывать стратегию партнерства с государствами постсоветского пространства. *Результаты исследования* могут найти *применение* при разработке рекомендаций по корректировке интеграционных стратегий Российской Федерации в ближнем зарубежье.

Ключевые слова. Интеграция, интеграционный проект, СНГ, постсоветское пространство, Евразийский экономический союз, Европейский союз, конкурентная борьба.

Никитенко Алексей Иванович – кандидат политических наук, начальник отдела документационного и технического обеспечения Орловского областного Совета народных депутатов, адрес: 302000, Россия, г. Орел, пл. Ленина, д.1, e-mail: alexey.nikitenko@mail.ru

THE EUROPEAN UNION AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE CIS: THE CONTENT OF COMPETITION

NIKITENKO A. I. – Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Documentation and Technical Support of the Orel Regional Council of People's Deputies (Russian Federation, Orel), e-mail: alexey.nikitenko@mail.ru

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the integration strategies of Russia and the European Union in the CIS, the identification of political, economic and geopolitical contradictions between them and the development of scientific recommendations for adjusting the foreign policy of the Russian Federation in the post-Soviet region.*The subject of the research* is the content of the competition of integration projects of the European Union and the Eurasian Economic Union in the post-Soviet space.

The author *uses the method* of structural analysis to highlight key aspects and levels of the phenomenon of competition between integration projects of Russia and the European Union in the post-Soviet space, as well as a comparative method for processing an array of methodological techniques used in scientific literature to study the integration policies of modern states and their associations.

The author analyses the background and causes of the expansion of pan-European institutions in the FSU countries of Russia, which are associated with the end of the Cold War and the inclusion of Eastern Europe in the sphere of influence of the European Union. It is concluded that the success of the integration project of the Eurasian Economic Union will depend on the ability of Russia to consistently and effectively implement the partnership strategy with the post-Soviet states.

The results of the research can be *applied* in developing recommendations for adjusting the integration strategies of the Russian Federation in the FSU countries.

***Keywords*:** integration, integration project, CIS, post-Soviet space, Eurasian Economic Union, European Union, competition.

Процессы интеграционной конкуренции между основными акторами современной политики во многом определяют содержание международных

отношений в ближнем зарубежье России. С начала 1990-х гг. постсоветское пространство представляло собой своеобразную лакуну, в масштабах которой не отмечалось присутствия влиятельных субъектов постбиполярного мира. Суверенность новых независимых государств постсоветского региона пребывала в процессе своего становления, который нельзя считать завершенным и в настоящее время. Российская Федерация в последнем десятилетии XX столетия переживала системный политический кризис, который препятствовал проведению системной стратегии по защите своих национальных интересов в новых геополитических реалиях. Евроатлантическое сообщество еще не завершило конституирования своих правовых и организационных институтов, ассимилируя в первую очередь пространство посткоммунистической Восточной Европы.

Необходимо учитывать, что политическое размежевание новых независимых государств СНГ отнюдь не завершало дезинтеграции бывших союзных республик, а выступало отправной точкой их суверенизации. Именно этим обстоятельством объясняется устойчивость экономической и социокультурной идентичности государств постсоветского региона, гражданские сообщества многих из которых были ориентированы на поддержание векового социально-экономического и ментального единства. При этом формирующийся «политический класс» каждого из новых независимых государств по большей части стремился легитимизировать свои притязания на власть и международное признание посредством радикального идейно-политического разрыва с общим историческим прошлым.

На этом фоне к началу 2000-х гг. в пределах СНГ и Прибалтики в полной мере проявили себя два ключевых субъекта – Российская Федерация и Европейский союз, претендующих на политико-экономическую реорганизацию постсоветского региона на основе продвижения полномасштабных интеграционных проектов.

Укажем, что в современном научном дискурсе отмечается определенный дефицит научных исследований, позволяющих раскрыть основные аспекты и тенденции конкуренции между интеграционными проектами, реализуемыми межгосударственными организациями с участием Российской Федерации (Таможенный союз, ЕврАзЭС), и проектами поглощения постсоветского пространства, инициатором которых выступает «объединенная Европа».

В данном контексте необходимы комплексные усилия исследовательского сообщества, нацеленные на выявление предпосылок, содержания и результатов конкурентной борьбы между интеграционными инициативами

современной России и Европейского союза. В современной отечественной политологии сформирован объемный корпус научных работ и монографий, позволяющий получить представление о сущностной стороне интеграционной конкуренции в ближнем зарубежье России. В работах С.М. Маркедонова, Д.А. Пахолкина, Н.В. Ряботяжева, А.С. Скрибы, А.А. Стрелкова, ряда других авторов изложено аргументированное видение знаковых проблем интеграционных процессов на пространстве СНГ[1]. В то же время противоречивое развитие политического процесса в постсоветском регионе требует своевременной актуализации научных представлений о состоянии и перспективах перманентной конкуренции между Россией и Евросоюзом за первенство в интеграционном переформатировании нашего ближнего зарубежья.

Отметим, что продолжительное время соперничество не носило непримиримого, конфронтационного характера. Рубежным этапом следует признать события 2013–2014 гг., после которых конкуренция интеграционных проектов в европейской части СНГ превратилась в системный фактор, определяющий вектор развития международных отношений в Евразии.

Условиями, благоприятствующими доминированию Москвы в отношениях с новыми независимыми государствами в период второй половины 1990-х гг., следует признать: военное преимущество Российских Вооруженных Сил и миротворческих контингентов над формирующимися армиями вновь образованных государств, сохранение на первых порах ментальной общности и образовательных стандартов, единство информационных коммуникаций и популярность медийных ресурсов Российской Федерации среди граждан стран постсоветского региона. Решающее значение среди указанных факторов, на наш взгляд, следует отвести экономической взаимозависимости, из-за которой народнохозяйственные комплексы бывших союзных республик, в отличие от их политических систем, оставались глубоко и прочно интегрированы с экономикой постсоветской России.

---

[1] Маркедонов С. Постсоветское пространство: распад или сохранение? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2017. – № 2 (8). – С. 9– 16, Пахолкин Д.А. Струкутные факторы конкуренции между Россией и Европейским союзом в пространстве Восточной Европы//Право и глобальный социум. – 2017. – № 2 -2017(2). – С. 94– 105. Работяжев Н.В. Интеграция постсоветского пространства: новые шаги // Россия и новые государства Евразии. – 2013. – № 2. – С. 69–77; Стрелков А. А. Политика Европейского союза в постсоветском регионе // Актуальные проблемы Европы. – 2011. – № 2. – С. 9–38; Скриба А.С. «Мягкая сила» и постсоветское пространство сегодня: выводы для России // Политика и общество. – 2016. – № 10. – С. 1400–1412.

В свою очередь, стратегия Европейского союза по утверждению на постсоветском пространстве первоначально имела достаточно взвешенный и последовательный характер. Евробюрократия стремилась максимально уклониться от прямых форм продвижения экспансии на Восток, камуфлируя свою политику антуражем демократического транзита. Со стороны российских элит изначально отмечалось признание за панъевропейскими институтами статуса не соперника, а полноправного партнера. Значительная часть отечественного политикума воспринимала и продолжает воспринимать себя в качестве партнера «единой Европы», пытаясь подготовить российский социум к конвергенции с атлантическим сообществом на условиях последнего.

Многими сторонниками единого «европейского дома» упускается из вида тот факт, что и в самой Европе сохраняется полярность подходов относительно необходимости отказа от части государственного суверенитета стран континента в пользу упрочения властных полномочий панъевропейских институтов. На пороге нового витка интеграционного продвижения Евросоюза на Восток исследователи отмечали дефицит «информационно-пропагандистских проектов», способных укрепить единство его рядов. «Единая Европа» испытывала в то время потребность в рационально обоснованной доктрине внутреннего сплочения, способной ускорить формирование наднациональных институтов политического управления[1].

Весьма убедительным выглядит мнение В.В.Огневой о том, что ЕС остается мощным интеграционным образованием. Однако поиск баланса национального и интеграционного, с чем столкнулся ЕС, будет, очевидно, не безболезненным. Только гибкое сотрудничество может предостеречь дальнейшее углубление противоречий в ЕС[2].

Несмотря на указанное обстоятельство, имеет смысл заключить, что с началом суверенизации собственно Российской Федерации вектор на приобщение к западным политическим, правовым институтам представлял собой стержень внешнеполитического курса российского руководства, репозиционировании страны на международной арене.

Весомым фактором, осложняющим интеграционные намерения Москвы, следует признать повышенную конфликтогенность постсоветского региона. Если в начале 1990-х гг. вооруженные конфликты на этноконфессиональной основе

[1] Валуев А.В. «Новая» Великобритания и Европейский союз: вызовы глобального мира. – СПб.: Инфо-да, 2010. – С. 240.

[2] Огнева В.В. Евразийское пространство: тенденции трансформации, потенциал расширения партнерства //Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Том 13. – № 4. – С. 86 – 99.

охватили преимущественно Среднюю Азию и Закавказье, затрагивая республики, относящиеся к патриархальным обществам, то после кризиса 2013–2014 гг. вооруженное противостояние охватило индустриально развитую и наиболее этнически близкую к России Украину. Недостаточность объективных предпосылок для утверждения полноценной государственности бывших союзных республик, в большинстве своем искусственно созданных всего за полвека до распада СССР, превратила для постсоветских элит конфликтно-силовой метод в приоритетный инструмент укрепления национальной суверенности. Более того, ориентация на насилие и формирование образа «внешнего врага», в качестве которого все чаще избирается историческая Россия, продолжают служить субъектам политической борьбы в бывших союзных республиках в качестве доминирующего ресурса утверждения собственной монополии на государственную власть.

Одновременно со стороны правящих кругов ряда новых независимых государств, включая и пребывающих в союзных отношениях с Российской Федерацией, на протяжении длительного периода наблюдается стремление целенаправленно подорвать практическую взаимозависимость республик бывшего СССР во всех областях жизнедеятельности. Ее наличие нередко трактуется «политическим классом» и связанными с ним компрадорскими финансово-промышленными группами постсоветских государств как фактор, препятствующий узурпации социальных ресурсов в угоду клановым и корпоративным интересам.

Наряду с факторами, препятствующими формированию интеграционных стратегий в постсоветском регионе, активно проявили себя и противоположные тенденции, инициирующие и легитимизирующие процесс политико-правового переустройства пространства СНГ. На наш взгляд, отправной точкой для эволюции позиций как Российской Федерации, так и «единой Европы» стало взаимное наложение распространения на Восток структур Европейского союза и «двойное расширение» блока НАТО. Последнее выражалось, во-первых, в территориально-пространственном контексте и, во-вторых, в увеличении круга функциональных задач Североатлантического альянса[1]. Заслуживает признания мнение Д.Л. Цыбакова, согласно которому в основе «освоения» постсоветского пространства панъевропейскими акторами лежит политика «сдерживания» нашей страны, предотвращения неоимперского ренессанса

[1] Глинский-Васильев Д. Политические ограничители расширения НАТО и возможности России // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 7. – С. 15.

евразийской державы[1].

Несмотря на очевидность экспансионистских намерений евроатлантистов, политическое взаимодействие между Европейским союзом и новыми независимыми государствами, включая и Российскую Федерацию, изначально основывалось на пассивной адаптации к интеграционным стратегиям Запада. Не исключая апелляций к необходимым уступкам со стороны атлантического сообщества, позиция постсоветских элит заключалась в поиске оптимальных моделей встраивания в формат политико-экономического и культурно-мировоззренческого переустройства региона СНГ, предлагаемого апологетами «единой Европы». Отмеченный подход не мог не вызвать появления пренебрежительных оценок относительно наличия у российского руководства политической воли для вступления в противоборство за ареал своего исконного геополитического интереса. В довершение к этому евроинтеграционное поглощение атлантистами стран «новой Европы», включавших десять членов бывшей Организации Варшавского Договора и республик упраздненного СССР, трактовалось как способность Евросоюза перекраивать геополитические конфигурации не только у своих непосредственных рубежей, но и на всем пространстве Евразии. При этом стратегическими ресурсом дальнейшей интеграционной экспансии ее вдохновители и сторонники избрали преимущественно инструментарий «мягкой силы» в формах ментальных ценностей, моделей управления и нормативного регулирования.

Следует учитывать, что поглощение посткоммунистических государств Восточной Европы, ставшее фактом в 2004–2007 гг. заметно трансформировало содержание восточной политики «единой Европы». Интересантами интеграционной политики отныне стали политики и пропагандисты с традиционно устойчивыми русофобскими идейными установками. Бывшие «младшие союзники» СССР теперь решительно стремились преобразовать императив восточной политики Европейского союза. Именно представители «Новой Европы», среди которых особенно выделялись Литва и Польша, сорвали подготовку базового соглашения между ЕС и Российской Федерацией.

Закономерно, что стержнем декларированной в 2004 г. Европейской политики соседства включение в интеграционные проекты новых независимых государств постсоветского региона признавалось базовым принципом развития международных отношений на континенте. Евросоюз априори представлялся

[1] Цыбаков Д.Л. Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России: монография / Под ред. Р.А. Явчуновской. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С.155– 236 с.

бенефициаром и организатором интеграционного процесса, проявляя соответствующие инициативы как в отношении государств с официальным внеблоковым статусом, так и в отношении стран, связанных узами союзных обязательств с Россией.

Естественным образом отмеченные подходы вызвали открытое неприятие среди «политического класса» России, который на деле отверг идеологию Европейской политики соседства, хотя формально присоединился к четырем реализуемых в ее рамках проектам[1].

На наш взгляд, принципиальное значение для реализации конфронтационного сценария в отношениях Россия – Европейский союз имело вытеснение дискурса европейского континентализма, представленного такими лидерами, как Г. Шрёдер, Ж. Ширак, С. Берлускони, евроатлантическими стратегиями, дополненными формированием германско-польской коалиции внутри управленческих институтов «единой Европы». На этом фоне российское руководство, не усматривая возможности продолжать всеобъемлющее партнерство с ЕС, сохранило сотрудничество с ним в практических сферах, где сохранялись общие потребности и интересы.

Однако обоюдный интерес сторон в таких сферах, как экономика, энергетика, торговый обмен, противодействие транснациональной преступности, не привел к развитию конструктивного диалога и урегулированию противоречий между ними. По мере нарастания последних происходила своевременно не выявленная отечественными экспертами политизация и идеологизация сфер реального взаимодействия. Провозглашая неполитическую, гуманитарную природу своей интеграционной стратегии в регионе СНГ и Прибалтики, ее ориентацию на ценности демократического транзита, повышение эффективности национальных экономик, модернизацию постсоветских обществ, евробюрократия экстраполировала на практические области сотрудничества конфликтогенный потенциал политической сферы.

Наглядным доказательством тому может быть признано принятие программы Восточного партнёрства, имевшее место в 2009 г. Тем самым Евросоюз открыто заявил о своих притязаниях на роль главного ведущего актора политики в ареале посткоммунистической Восточной Европы. Суть заложенной в проекте «Восточного партнёрства» доктрины представляется нам двоякой. С одной стороны, Российская Федерация позиционировалась в ней как внешний, посторонний для данного пространства субъект. Вместе с тем, имея в виду её

[1] Россия vs Европа. Противостояние или союз? / под ред. С.А. Караганова, И.Ю. Юргенса. – М.: Астрель/ Русь-Олимп, 2010. – С. 102.

прочную взаимозависимость со странами ближнего зарубежья, Российское государство и общество предполагалось включить в сферу влияния евроатлантического конгломерата посредством вероятных в то время соглашений об ассоциации. Закономерно, что провозглашение Россией проекта евразийской интеграции воспринимается «единой Европой» и ее заокеанскими партнерами как ключевое препятствие на пути реализации стратегии новой мировой экспансии.

Этап открытой конфронтации между евразийским и европейским проектами интеграции постсоветского региона следует связывать с событиями вокруг заключения соглашений об ассоциации Европейского союза и Украины. Склонение киевских элит к неполноправному соглашению с «единой Европой» логично было воспринято Москвой как посягательство на экономическую и социально-политическую значимость евразийского интеграционного концепта.

Заключим, что содержательную сторону конкурентной борьбы между Россией и Европейским союзом на пространстве Восточной Европы определяют следующие факторы:

– попытки узурпации евроатлантическими институтами роли ведущих акторов интеграционных процессов на Европейском континенте;

– превращение экспансии правовых и политических институтов европейского сообщества в стержневой элемент развития международных отношений в Европе;

– формирование у «политического класса» Европейского союза под влиянием успехов первых этапов интеграции 2004–2007 гг. завышенных самооценок и стереотипов, инициирующих стремление изменять геополитическую структуру постсоветского региона при помощи внедрения своих норм и стандартов;

– превращение государств «Новой Европы» в основное экспериментальное поле формирования модели взаимодействия между ведущими субъектами политики Европейского континента;

– реализация Европейским союзом доктрины «мягкой интеграции» стран СНГ как инструмента изменения геополитической *конфигурации* в Восточной Европе и на Европейском континенте в целом.

Осмысливая итоги и перспективы борьбы интеграционных проектов Евразийского экономического союза и Европейского союза, необходимо учитывать, что трансформация отношений между указанными акторами от сосуществования к принципиальной конкуренции непосредственно связана с утверждением среди атлантических элит комплекса «победителя «холодной

войны»», категорически не совместимого с признанием самобытного пути развития современных политических наций. Стратегия США и их европейских союзников продолжает ориентироваться на волюнтаристское переформатирование постсоветского пространства, фактически ведущее к его дезинтеграции как симбиоза исторически связанных между собой государств, культур и экономик. Лояльность российских политических элит, экспертного сообщества к линии на экспансионистскую интеграцию, реализуемую Европейским союзом после событий 2008–2014 гг., сменилась неприятием внешнего диктата и ускоренным продвижением проекта Таможенного союза и Евразийского экономического союза.

На современном этапе снижение накала конкурентной борьбы на постсоветском пространстве представляется весьма проблематичным. Необходимо отметить, что проект евразийской интеграции с большой долей вероятности сегодня вступает в период институциональной стагнации, который требует формулирования дальнейших целей развития. ЕАЭС может быть нацелен на достижение статуса связующего звена экономической интеграции в ареале Евразийского пространства. Указанная стратегия требует формирования площадки для равноправного диалога с Европейским союзом, Китайской Народной Республикой и другими региональными державами. Отмеченное обстоятельство, с другой стороны, обуславливает необходимость вступления в интеграционную конкуренцию с гораздо большим набором контрагентов, нежели это было до настоящего времени.

Таким образом, руководству стран Евразийского экономического союза необходимо принимать во внимание, что результат конкурентной борьбы с альтернативными интеграционными проектами будет определяться такими факторами, как последовательность и эффективность проводимой стратегии интеграции, в успехе которой не заинтересованы многие субъекты мировой и региональной политики.

Библиография /References:

1. Валуев А.В. «Новая» Великобритания и Европейский союз: вызовы глобального мира. – СПб.: Инфо-да, 2010. – 309 с.

2. Глинский-Васильев Д. Политические ограничители расширения НАТО и возможности России // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 7. – С. 15–29.

3. Маркедонов С. Постсоветское пространство: распад или сохранение? // Вестник РГГУ. Серия: политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2017. – № 2 (8). – С. 9 – 16.

4. Огнева В.В. Евразийское пространство: тенденции трансформации, потенциал расширения партнерства // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018– Том 13. – № 4. – С. 86–99.

5. Пахолкин Д.А. Структурные факторы конкуренции между Россией и Европейским союзом в пространстве Восточной Европы // Право и глобальный социум. – 2017. – № 2. – С. 94–105.

6. Работяжев Н.В. Интеграция постсоветского пространства: новые шаги // Россия и новые государства Евразии. – 2013. – № 2. – С. 69–77.

7. Россия vs Европа. Противостояние или союз? / под ред. С.А. Караганова, И.Ю. Юргенса. – М.: Астрель: Русь-Олимп, 2010. – 384 с.

8. Скриба А.С. «Мягкая сила» и постсоветское пространство сегодня: выводы для России // Политика и общество. – 2016. – № 10. – С. 1400–1412.

9. Стрелков А.А. Политика Европейского союза в постсоветском регионе // Актуальные проблемы Европы. – 2011. – № 2. – С. 9–38.

10.Цыбаков Д.Л. Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России: монография. / Под ред.Р.А.Явчуновской. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 236 с.

1. Valuyev, A.V. (2010) «Novaya» Velikobritaniya i Yevropeyskiy soyuz: vyzovy global'nogo mira ["New" United Kingdom and the European Union: the challenges of a global world]. – SPb.: Info-da. – 309 p. (In Russ.)

2. Glinskiy-Vasil'yev, D. (2000) Politicheskiye ogranichiteli rasshireniya NATO i vozmozhnosti Rossii [Political constraints on the expansion of NATO and the possibilities of Russia] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. – № 7. – P. 15–29. (In Russ.)

3. Markedonov, S. (2017) Postsovetskoye prostranstvo: raspad ili sokhraneniye? [The post-Soviet space: disintegration or preservation?] // Vestnik RGGU. Seriya: politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye [RSUH/RGGU Bulletin History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. – № 2 (8). – P. 9 – 16. (In Russ.)

4. Ogneva, V.V. (2018) Yevraziyskoye prostranstvo: tendentsii transformatsii, potentsial rasshireniya partnerstva [Eurasian space: trends of transformation, potential of expansion of the partnership] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – Tom 13. – № 4. – P. 86–99. (In Russ.)

5. Pakholkin, D.A. (2017) Strukturnyye faktory konkurentsii mezhdu Rossiyey i Yevropeyskim soyuzom v prostranstve Vostochnoy Yevropy [Structural factors of the competence between Russia and the EU in east Europe] // Pravo i global'nyy sotsium [Law and Global Society]. – № 2. – P. 94–105. (In Russ.)

6. Rabotyazhev, N.V. (2013) Integratsiya postsovetskogo prostranstva: novyye shagi [Integration of the post-Soviet space: new steps] // Rossiya i novyye gosudarstva Yevrazii [Russia and New States of Eurasia]. – № 2. – P. 69–77. (In Russ.)

7. Rossiya vs Yevropa. Protivostoyaniye ili soyuz? [Russia vs Europe. Opposition or union?] / pod red. S.A. Karaganova, I.YU. Yurgensa. – M.: Astrel': Rus'-Olimp, 2010. – 384 p. (In Russ.)

8. Skriba, A.S. (2016) «Myagkaya sila» i postsovetskoye prostranstvo segodnya: vyvody dlya Rossii ["Soft power" and the post-Soviet space today: conclusions for Russia] // Politika i obshchestvo [Politics and Society]. – № 10. – P. 1400–1412. (In Russ.)

9. Strelkov, A.A. (2011) Politika Yevropeyskogo soyuza v postsovetskom regione [Politics of the European Union in the post-Soviet region] // Aktual'nyye problemy Yevropy [Urgent Problems of Europe]. – № 2. – P. 9–38. (In Russ.)

10. Tsybakov, D.L. (2012) Militarizatsiya mezhdunarodnoy politiki: posledstviya dlya interesov i bezopasnosti Rossii [The militarization of international politics: implications for the interests and security of Russia]: monografiya. / Pod red.R.A.Yavchunovskoy. – M.: MAKS Press. – 236 p. (In Russ.)